

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 197–205

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 197–205

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-197-205>, EDN: WWFYEM

Научная статья

УДК 811.112.2'38'42:821.112.2-1.09+929Дросте-Хюльсхофф

Переход *locus amoenus* в хронотоп в лирике высокого бидермейера как признак жанра идиллии (Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф)

Е. И. Зейферт

¹Российский государственный гуманитарный университет, Россия, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6

²Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38, с. 1

Зейферт Елена Ивановна, доктор филологических наук, ¹профессор кафедры теоретической и исторической поэтики, ²ведущий научный сотрудник лаборатории сравнительного литературоведения и культурной дипломатии, elena_seifert@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8117-7091>

Аннотация. Целью исследования является осмысление *locus amoenus* в поэзии высокого бидермейера на материале немецкой поэтессы А. Дросте-Хюльсхофф. Это сентиментальный уголок в парке или облагороженном участке леса либо домашний локус (родной дом, «поэтическая хижина», дом в пустоши). Исследуемый локус представляет собой прекрасное, полное покоя время-пространство и состоит из типичных для *locus amoenus* элементов, захватывая древние (любовные встречи) и сентиментальные, а также откликаясь на романтические (место творчества). Метод исследования – структурно-описательный. Водоёмом у Дросте-Хюльсхофф в большинстве случаев служит пруд. В *locus amoenus* немецкой поэтессы изображается облагороженная, порой рукотворная природа (парк, ухоженный пруд). Автор использует ближний (тень дерева, цветы) и дальний (холмы, пастухи) планы. В случае расширения *locus amoenus* на весь художественный текст, перехода локуса в хронотоп стихотворение является либо чистой идиллией, либо примером лидерства идиллии в жанровой диффузии. Многа идиллические мотивы, распространяясь на весь текст, *locus amoenus* теряет свойства локуса. Его расширение обеспечивает оптимистический финал лирического сюжета, что усиливает жанровый статус стихотворения как идиллии. В таких стихотворениях идиллия побеждает как жанры-противники (элегию, балладу и др.), нейтрализуя их константы и доминанты, так и родственные ей по положительному наполнению жанры – стихотворную молитву, оду, гимн, дружеское послание, романтический отрывок, питаясь их доминантами.

Ключевые слова: высокий бидермейер, жанр, локус, *locus amoenus*, хронотоп, идиллия, жанровая диффузия, молитва, дружеское послание, отрывок, ода, поэт-бидермейерист, Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф

Для цитирования: Зейферт Е. И. Переход *locus amoenus* в хронотоп в лирике высокого бидермейера как признак жанра идиллии (Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф) // Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 197–205. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-197-205>, EDN: WWFYEM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The transition of *locus amoenus* into chronotope in high biedermeier lyrics as a sign of the idyll genre (Annette von Droste-Hülshoff)

E. I. Seifert

¹Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow 125993, Russia

²Moscow State Linguistic University, bld. 38, 1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Elena I. Seifert, elena_seifert@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8117-7091>

Abstract. The aim of the study is to understand the locus amoenus in the poetry of the High Biedermeier era using the material of the German poetess A. Droste-Hülshoff. Locus amoenus is a sentimental corner in a park or a landscaped area of forest, or a home locus (home, “poetic hut”, house in the wilderness). The studied locus is a beautiful, peaceful time-space which consists of elements typical of the locus amoenus, capturing ancient (love encounters) and sentimental elements, as well as responding to romantic ones (place of creativity). The research method is structural and descriptive. In most cases, Droste-Hülshoff uses a pond as a body of water. The locus amoenus of the German poetess depicts landscaped, sometimes man-made nature (a park, a well-kept pond). The author uses near (a tree shadow, flowers) and distant (hills, shepherds) plans. In the case of expansion of locus amoenus to the entire artistic text, the transition of the locus to the chronotope, the poem is either a pure idyll or the leadership of the idyll in genre diffusion. Multiplying idyllic motifs, spreading to the entire text, locus amoenus loses the properties of the locus. Its expansion provides an optimistic ending to the lyrical plot, which strengthens the genre status of the poem as an idyll. In such poems, the idyll wins over both the opposing genres (elegy, ballad, etc.), neutralizing their constants and dominants, and the genres related to it in positive content – a poetic prayer, ode, hymn, friendly message, romantic passage, feeding on their dominants.

Keywords: high Biedermeier, genre, locus, locus amoenus, chronotope, idyll, genre diffusion, prayer, friendly message, excerpt, ode, Biedermeier poet, Annette von Droste-Hülshoff

For citation: Seifert E. I. The transition of locus amoenus into chronotope in high biedermeier lyrics as a sign of the idyll genre (Annette von Droste-Hülshoff). *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 197–205 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-197-205>, EDN: WWFYEM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Внутри литературного произведения возможны локусы. Понятие локуса, активно разрабатываемое Ю. М. Лотманом [1], взявшим его из трудов С. Ю. Неклюдова [2], служит для обозначения социокультурно значимых пространств, предполагающих некий круг устойчивых ситуаций и мотивов (локусы леса, степи, храма, ресторана, улицы, подвала и т. п.). Отдельные локусы могут быть жанровыми приметами.

Жанроведение уже начало осмыслять роль локусов в формировании лирических жанров высокого бидермейера. Однако подобные исследования редки и в литературоведении пока носят дискретный характер. Так, Х. Й. Шнайдер, обстоятельно анализируя «Wald-Idylle» («Лесную идиллию») Эдуарда Мёрике и идиллически-сказочное приятное местечко в ней, обращает внимание на взаимопроникновение в стихотворении сказки и идиллии [3: 222]. Немецкий учёный замечает общее развитие творчества Мёрике от романтически-лирического к повествовательно-описательному. «Лесная идиллия» демонстрирует этот поворот. Стремление к идиллической жизни не реально, сказочно, неисполнимо вне сказочного мира. Начало стихотворения, изображающее поэта в уединённом лесном местечке весной перед раскрытой книгой сказок, включает тему буколического locus amoenus. Повествовательное вплетается не только в сказку, но и через неё в идиллию, происходит слияние внешнего и внутреннего миров. Мёрике обращается

к классической буколике, которая через природное плодородие всегда прославляет только искусство [3: 238].

В настоящей статье ставится цель изучить влияние locus amoenus на идиллию высокого бидермейера. Явление, обозначаемое термином «бидермейер (бидермайер)», изучается в литературоведении [4: 45–74, 373–380, 405–411], искусствоведении [5], музыковедении [6]. Бидермейер проявляется в отдельных видах искусства в период после окончания наполеоновских войн (Венский конгресс) до революционных событий во Франции, Италии, Германии и других странах Европы в 1848–1849 гг. Географический охват – Германия и Австрия, виды искусства – литература, живопись и музыка.

Locus amoenus (в пер. с лат. «приятное место») – подчёркивающий блаженство человека на лоне природы утопический локус, возникший в античности и развитый в средневековье. Данный локус значим не только для литературы, но и для изобразительного искусства, садово-паркового и ландшафтного дизайна, градостроительства. Как топос (общее место) locus amoenus подробно исследован Э. К. Курциусом в книге «Европейская литература и латинское Средневековье» [7]. По Курциусу, набор элементов топоса включает деревья, луг, ручей или родник, пение птиц, цветы, лёгкий ветерок и др. Н. Т. Пахарьян и Т. В. Саськова следующим образом описывают канон locus amoenus: «согласно идиллической топике, описывается, как правило, весенний, летний или раннеосенний ландшафт: ясный солнечный день, зеленею-

щие склоны холмов, цветущие поляны, рощи с тенистыми деревьями, где в полдень можно спрятаться от палящего зноя, чистый источник, журчащий ручеек и т. д.» [8: 73].

Вергилий в «Буколиках» создаёт идеальный мир Аркадии, признаком *locus amoenus* здесь являются и любовные встречи. Овидий в «Метаморфозах» осложняет этот локус описанием таящихся в нём опасностей. Средневековые соединило *locus amoenus* с образом рая, создав поражающую воображение пейзажную картину, природную и рукотворную (сад). Путь к земному эдемскому саду идёт от праведной жизни. *Locus horridus* («лесной уголок»), сохраняющий фольклорные коннотации дикого, тревожного леса, развивается в сад¹.

Легко встраиваясь в жанр идиллии, *locus amoenus* как место блаженного отдыха с большой вероятностью бытовал уже в перформативе покоя (В. И. Тюпа). Речевые жанры, теория изучения которых восходит к М. М. Бахтину, по В. В. Дементьеву, относятся к духовной и материальной культуре человека, базовым жизненным ценностям и оценочным суждениям, внутреннему миру человека, структуре общества и др. [10]. Бахтин говорил о разнородности и многообразии речевых жанров, относя к ним и короткие реплики бытового диалога, и все формы выступлений, и литературные жанры. «Мы научаемся отливать нашу речь в жанровые формы» [11: 159], – правомерно заявляет Бахтин. Речевые жанры требуют особой формы, интонации, узуса и обладают специфическими коммуникативной ситуацией, экспрессией, объёмом, типической концепцией адресата. Их масштабное осмысление, в том числе развёрнутую типологию, предложил В. В. Дементьев [10].

Размышляя над генеалогией лирических жанров, В. И. Тюпа анализирует ключевые лирические жанры – оду, элегию, балладу, идиллию, инвективу – с точки зрения реализации в них перформативного начала [12]. Лирическая поэзия как «ритмическая магия» (Д. Дидро) уже традиционно связана в исследованиях с её магическими функциями. Магическое слово, по Тюпе, представляет собой чистый перформатив. «Лирический перформатив – это всегда личностное самоопределение (неведомое магической культуре), но не автокоммуникация» [12: 14]. Рассматривая в качестве конструктивных признаков лирики ценностную архитектуру пространственно-временной конфигурации, модус самоопределения в форме «я/мы» и этос суггестивности как хоровое единение реципиентов и заявляя о живущей внутри современной лирики

архаики, В. И. Тюпа выделяет в качестве базовых перформативов хулу и хвалу и добавляет к ним перформативы угрозы, тревоги, утрашения, покоя, умиротворения, жалобы, желания. Указанный круг протолитературных перформативов – жанровые зародыши лирики. Путь к жанру идиллии идёт от перформатива покоя. Не «жанровую ли архитектуру вечно-го повторения, успокоительного круговорота» (В. И. Тюпа) подхватывают поэты-бидермейеристы?

Эмоция безмятежности, безусловно, меняла своё наполнение в историческом развитии. Учёные трактуют эмоции не как неизменные антропологические константы, но как исторически и культурно обусловленные феномены [13]. Вместе с эмоцией покоя эволюционирует и *locus amoenus*.

Locus amoenus неизбежно связан с жанрами и, в первую очередь, с идиллией [8, 14]. В поле идиллии, изображающей данный локус, могут входить сказка, баллада, послание, поэма [15] и другие жанры, внося свои нюансы. Фундаментальное исследование М. М. Бахтина и идиллического хронотопа в романе [16] дало импульсы для дальнейшего анализа. Идиллические хронотоп и локусы изучаются не только в лирике, но и в эпосе и драме [17–19]. Пасторальный жанр исследуется и в искусствоведении [20, 21]. Искусствовед Ю. Н. Белова демонстрирует, как выглядит *locus amoenus* на картине Жана-Антуана Ватто: «Топос идеального ландшафта “*locus amoenus*”, отдаленно апеллирующий к райским садам, в “Пейзаже с водопадом” представлен природным разнообразием растительности, зелёной свежестью деревьев и приятностью полей (“*amoenos campos*”), образ которых идеально воплощен в романе Саннаццо “Аркадия”. Естественность сельского ландшафта только на первый взгляд представляется нетронутой: на дальнем плане отчётливо виден городок, на первом плане после водопада устроена искусственная запруда для ловли рыбы, справа – дорога с путником на ослике и собака» [21: 15, 16]. На дальнем плане художником изображена роща. Исследовательница отмечает «кажущуюся первозданную простоту, противопоставленную городу».

Автор настоящей статьи в своём монографическом исследовании жанра лирического отрывка [22] говорит о возникновении внутри этого жанра под влиянием *locus amoenus* принципиально нового локуса *locus artis*. Образ Природы (Уединения) в отрывке, художественный ландшафт, оптимальный для обитания в нём творческого человека и излюб-

¹Поэтику садов обстоятельно изучил Д. С. Лихачёв [9].

ленный вдохновением, по функциям близок locus amoenus сентиментальной элегии и «хижине» дружеского послания. Однако в отличие от сентиментальной элегии это прибежище для человека искусства, а не для частного человека, а в отличие от дружеского послания это природный ландшафт, а не домашний локус.

Locus amoenus является субпространством с явными границами. Этот локус был облюбован бидермейеристами, поскольку отвечал их художественным задачам – созданию идиллического покоя в загородном пространстве, изображению домашнего счастья. Однако мотивы, создающие его, могут проявляться в тексте по-разному. Скопление признаков locus amoenus, их обилие в одном художественном тексте и даже в лирическом цикле, распределение этих элементов по тексту или сгущение их в одном композиционном сегменте произведения зачастую свидетельствуют о разных жанровых статусах стихотворений. В настоящей статье нас большей частью интересует первый тип. Говорить о хронотопе в лирике приходится только в тех случаях, когда работает сцепка художественного пространства, времени, эмоционального состояния и мировидения. Как раз в идиллии высокого бидермейера наблюдается явственная привязка к этим составляющим одновременно. К тому же сам locus amoenus – несомненно, это пространство-время (приятный пейзаж или интерьер плюс погожая погода).

Показательно изучить locus amoenus на примере лирики поэтессы – типичной бидермейеристки Аннетте Дросте-Хюльсхофф (1797–1848). Переход locus amoenus в идиллический хронотоп наблюдается в таких её стихотворениях, как «Die Bank» («Скамья»), «Meine Sträuße» («Мои букеты»), «Das Haus in der Heide» («Дом в пустоши»), «Die Lerche» («Жаворонок»), лирических циклах «Der Weiher» («Пруд»), «Die Elemente» («Стихии»), «Am Weiher» («У пруда»), «Der Säntis» («Сентис») и др.

Обратимся к лирическому циклу А. Дросте-Хюльсхофф «Der Weiher» («Пруд»), состоящему из пяти стихотворений, первое из которых, «Der Weiher», служит вступлением, а четыре последующих, соответственно озаглавленные «Der Weiher» («Пруд»), «Das Schilf» («Тростник»), «Die Linde» («Липа»), «Die Wasserfäden» («Водяные нити») и «Kinder am Ufer» («Дети у берега»), изображают указанные в названиях явления. Каждое из этих произведений (и весь лирический цикл в целом) – пример превращения locus amoenus в хронотоп блаженства на безмятежном пруде, охватывающий весь художественный текст особым сгущением пространственно-временных коор-

динат. Мотивы locus amoenus здесь многочисленны: это «пруд», зеркальная гладь пруда, «стрекозы», «сияние солнца», «ирисы», «колыбельные камыша», «берег», «покой», «тишина», «камушек на берегу», «облако», «крона старого дерева», «птица», «рыбка», нитевидные водоросли («водяные нити»), «гнездо», «широкая ветка», «полог из листьев», «скамейка», «солнце», «ветки», «звёзды», отражение цветов и облаков в пруду, «орешник» и др. Слышен восхищённый ликующий шёпот явлений природы (камышей, водорослей и др.), обращённый к покою и тишине:

Als flüstere's: Friede! Friede! Friede! [23: 51]

Словно шепчут: Покой! Покой! Покой!

(«Weiher»)

Stille, er schläft! stille, stille!

Libelle, reg' die Schwingen sacht,

Daß nicht das Goldgewebe schrille [23: 51]

Тихо, он спит! Тихо, тихо!

Стрекоза, нежно взмахни крылышками,

Чтобы золотая паутина не кричала

Дети на берегу воспринимают пруд как святилище. Они перешёптываются между собой:

O sieh doch! siehst du nicht die Blumenwolke
Da drüben in dem tiefsten Weiherkolke?

O, das ist schön! hätt' ich nur einen Stecken,
Schmalzweiße Kelch' mit dunkelroten Flecken,
Und jede Glocke ist frisiert so fein

Wie unser wächsern Engelchen im Schrein.
[23: 51]

О смотри же! Ты не видишь цветочное облако
Там в самой глубине пруда?

О, как оно прекрасно! если бы у меня была
такая

Бледно-белая чашечка с тёмно-красными
пятнами,

И каждый колокольчик так красиво оформлен.

Как и у нас, в святилище растут маленькие
ангелочки.

Во всех пяти стихотворениях, как и в цикле в целом locus amoenus теряет границы локуса и становится идиллическим хронотопом. Этому способствует и спаянность цикла, возникающая на разных уровнях его поэтики. Стихотворения внутри цикла графически похожи: они написаны без пропусков строк и соответственно состоят из 12, 17, 22, 18 и 14 стихов. Помимо вступительного стихотворения, каждое из остальных четырёх произведений представляет собой заковыченное пространное обращение – во втором и третьем от имени лирической героини, в двух последних произведениях от имени

водяных нитей и детей. Все пять стихотворений перекликаются общими темой и мотивами и отличаются оптимистическими финалами лирического сюжета. Этот цикл имеет единый лирический сюжет: развитие мотивов идёт от идиллическости к высокой религиозности, наблюдается усиление безмятежности от описания приятного пейзажа до благоговения перед созданной Богом природы. Заявленная в названии лирического цикла пространственная координата «Der Weiher» («Пруд»), скрещиваясь с погожей погодой, перерождается в хронотоп блаженства.

Переход *locus amoenus* в идиллический хронотоп наблюдается в стихотворении А. Дросте-Хюльсхофф «Wasser» («Вода») из цикла «Die Elemente» («Стихии»). Уже в подзаголовке этого стихотворения указано типичное для *locus amoenus* и жанра идиллии художественное время – полдень («Der Mittag, der Fischer» («Полдень, рыбак»)). В четырёх произведениях цикла в подзаголовках соответственно обозначены утро, полдень, вечер и ночь. В художественном мире стихотворения «Вода» всё вокруг пребывает в тишине («Alles still ringsum») – и птицы, и ветки. Солнце сравнивается с большим кораблём, который мчит по лазури. Однако остальная природа не просто находится в покое, она спит, свисают её «зелёные кудри». Каждая гусеница ищет листок, чтобы укрыться, у каждого жука своя ямка, чтобы спрятаться. Море лежит свободно и смотрит в небосвод. В своей лодке, отдыхая, дремлет рыбак. Он обращается к воде, называя её «драгоценной кровью земли», и, вспоминая ручей и гладь пруда у своей хижины, просит ласково укутать его. Охотник, рыбак, садовник, кузнец, заявленные в подзаголовках стихотворений цикла «Die Elemente», получают в финале каждого из произведений право на завышенное обращение, в котором делятся своими гармоничными ощущениями. Весь цикл, несмотря на элегические координаты «вечер» и «ночь», весьма идиллический. Идиллика появляется в утреннем пейзаже, усиливается в полуденном, сохраняется в вечернем, перетекая в уверенную, упругую силу ночи.

Архитектоническая отделка произведений – в целом визитная карточка Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф. Певучий хорей утра переходит в ямб полудня, затем снова обрачивается хореем вечера и превращается в ямб с анакрузами в ночном пейзаже. Каждое стихотворение здесь разбито на неравновеликие композиционные сегменты. Немецкая поэтесса бережно растит лирический цикл, создавая общность стихотворений внутри него на мотивном, графическом, сюжетно-компо-

зиционном, субъектном, стиховом и других уровнях.

Интересен в аспекте исследуемой темы авторский диптих «Am Weiher» («У пруда»), два стихотворения которого озаглавлены «Ein milder Wintertag» («Мягкий зимний день») и «Ein harter Wintertag» («Холодный зимний день»). В первом произведении *locus amoenus*, «сухой безветренный уголок», сотканный из мотивов «тишины», «тихого пруда», «еловых стен», ограждающих пруд, «солнечных лучей», «берега», «ряби», «бухты», «зелени», «сверчка», «камышей», перерастает в свойственный жанру отрывка *locus artis* («место творчества»), приобретая специфические мотивы творчества. Лирическая героиня приходит к пруду «рисовать» («zu Malen»), но скорее не кистью, а словом, потому что уже дальше возникает глагол «dichten» («писать стихи»).

Da weiß ich, schön zum Malen,

<...>

Will ich den Mantel dicke [23: 108]

Лирическая героиня полна вдохновения:

Sind stumm die Nachtigallen,
So sing' ich selbst ein Lied. [23: 109]

Молчат соловьи,

Поэтому я пою песню сама.

Свой голос она добавляет к звукам природы – сверчка, камышей, веток, травы, «шёпота еловых стен». Обладая «природой как праздником», лирическая героиня – поэтесса черпает из неё вдохновение, рассматривая приятное местечко как свою мастерскую.

Большинство стихотворений А. Дросте-Хюльсхофф с расширением *locus amoenus* в хронотоп содержат религиозные мотивы, как правило, сгущающиеся к финалу произведения. Таково, например, произведение «Das Haus in der Heide» («Дом в пустоши»). Соломенная хижина на равнине, «окружённая вечерним светом», выступает здесь идиллическим местом. Сбоку от этого дома расположен небольшой сад. Заходящее солнце служит колоколом для дома, внутри которого «тихий ребёнок стоит на коленях», казалось бы, пропалывает землю, а потом выбирает лилию и идёт вдоль грядки. Лилия в христианстве – символ чистоты, простоты, красоты и непорочности. Этот цветок, согласно Новому Завету, упоминает Иисус Христос в Своей Нагорной проповеди: «И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них» (Матф. VI,

28). Архангел Гавриил появился с веточкой лилии перед Марией и принёс ей известие о том, что она станет матерью Сына Божьего. В своём стихотворении Дросте-Хюльсхофф показывает ближний (дом) и дальний (фон) планы *locus amoenus*. На горизонте в вереске видны пастухи. С гумна звучат удары молотка, отлетает щепка, слышен звук пилы. Из сосновых веток восходит вечерняя звезда и наклоняется к крыше дома. Поэтесса заявляет, что эту картину, «тихую и горячую», оценят художники-монахи и положат её на золотой грунт. Пейзажные элементы постепенно здесь сменяются религиозными: «плотник» – «пастухи» – «юная дева с веточкой лилии» – «божественный покой вокруг»:

Der Zimmermann – die Hirten gleich
Mit ihrem frommen Liede –
Die Jungfrau mit dem Lilienzweig –
Und rings der Gottesfriede. – [23: 77]

Однако концовка стихотворения, в которой Дросте-Хюльсхофф решает объяснить свою идею читателю, уже заметившему явную параллель, возможно, излишня, поскольку лишает читателя эстетического удовольствия стать соавтором смыслов:

Des Sternes wunderlich Geleucht
Aus zarten Wolkenfloren –
Ist etwa hier im Stall vielleicht
Christkindlein heut geboren? [23: 77]

Удивительно сияние звезды
Из нежных облачных цветов –
Быть может, здесь в конюшне
Младенец Христос, родившийся сегодня?

Написанное разностопным ямбом 4–3, стихотворение обладает певучестью и музыкальностью, подчёркивающими ликование лирической героини.

Как видно по рассмотренному случаю, распространение *locus amoenus* на весь текст стихотворения происходит и за счёт сближения идиллии со стихотворной молитвой. Не затрагивая её константу (обращение к Богу или божественным явлениям), идиллия захватывает доминанты молитвы и, в первую очередь, комплекс религиозных мотивов. В случаях взаимодействия с отрывком и дружеским посланием идиллия также, не касаясь их констант (стилизованной фрагментарности и обращения «поэт – другу»), апеллирует к доминантам, обогащаясь.

В стихотворении «Meine Sträuße» («Мои букеты») идиллическая интенция сплетается с одической. Лирическая героиня воспекает свои букеты – гербарии на оконной решётке. В прекрасные часы, проведённые на свежем воздухе, они были собраны как счастли-

вые впечатления. Таких «милых часов» было много:

So oft mir ward eine liebe Stund'
Unterm blauen Himmel im Freien [23: 91]

Как часто у меня были милые часы
Под голубым небом на свежем воздухе

«Незабудка с розовой ленточкой», «камельия», «альпийская роза», «дикий вереск» на оконной решётке в осенний день возвращают лирическую героиню к безмятежному мироощущению, воспоминаниях о любовных встречах как элементе *locus amoenus*. Стихотворение не содержит элегических элементов, кроме ненастной погоды за окном. В такой день героиня находится в своём идиллическом «тихом доме». В «Моих букетах» одическая интонация (совпадение стиха и фразы) преобладает над говорной. К признакам оды здесь относится и обращение к неживым явлениям (цветам, букетам), и восхваление их, наименование их восторженными эпитетами, духовное присвоение:

O süße Sonne, o Einsamkeit,
Die uns redet mit heimischen Zungen! [23: 132]

О, сладкое солнце, о, одиночество,
Которые говорят с нами на родных языках!

«Вырастающие на почве магической хвалы гимн (более архаичная непосредственно хоровая форма славословия) и ода вовлекают реципиента в экстатическое переживание позитивной ценности восплаемого объекта» [12: 16], – отмечает В. И. Тюпа. С одой идиллию высокого бидермейера как раз и роднит эйфорическое восхищение элементами дарующего покой локуса и самим покоем.

Написанное величественными октавами простым, близким к логоэдическому стихом, произведение «Мои букеты» завершается оптимистическим финалом, свойственным как идиллии, так и оде. Но лидирует здесь, несомненно, идиллия. Гербарии вызывают в памяти лирической героини живые цветы, которые являлись частью *locus amoenus* вместе с такими мотивами, как «озеро», «ракушки», «виноград», «мягкие дни», «золотые жуки», «свой пруд», «ароматный мох» и др. Теперь цветы растут в душе лирической героини. Как вены, ласково обвивают её изнутри «водные нити и мхи».

В произведениях немецкой поэтессы *locus amoenus* не всегда овладевает всем стихотворением. Нередко он всё же остаётся локусом. Аннете Дросте-Хюльсхофф использует различную оптику в изображении идиллического места. Так, в стихотворении «Die Vogelhütte» («Птичья хижина») элементы *locus amoenus*, на первый взгляд, видны лирической героине из крохотного домика, но это не совсем так.

Стихотворение метафизично. Лирическая героиня живёт в маленькой хижине. Беспреданно идёт дождь, беспощадный дождь, умеющий «жарить и кипятить». Материя дождя в стихотворении сравнивается с материей языка («Denk' ich an die schwere Zunge» («Я думаю о тяжёлом языке»), «dieser Wasserströmen Läng' und Breite, die verkörperten Hyperbeln» («эти потоки воды вдоль и поперёк, воплощённые метафоры»). Поэта всегда ждёт борьба с родным языком, из которого нужно словно бы сделать иностранный. Язык оказывает человеку сопротивление, эта борьба непростая. О такой борьбе и пишет А. Дросте-Хюльсхофф.

Её лирическая героиня осматривает свою поэтическую хижину, условное место обитания творческого человека, состоящее из нехитрых элементов:

Ich schau mich um in meiner kleinen Zelle:
Für einen Klausner wär's ein hübscher Ort;
Die Bank, der Tisch, das hölzerne Gestelle,
Und an der Wand die Tasche dort; [23: 45]

Я оглядываю свою маленькую клеточку:
Это было бы прекрасное место

для отшельника;

Скамья, стол, деревянный книжный шкаф,
И сумка там на стене.

Такой условный локус (поэтическая хижина или чердак) свойственен жанру дружеского послания, лирический субъект которого обитает в «домашней семантике» (Ю. Тынянов), ему не интересен мир вокруг. Лирическая же героиня Аннетте Дросте-Хюльсхофф, напротив, якобы выглядывает из своего скворечника во внешний мир, в котором видит элементы locus amoenus – цветущий перед дверью «тимьян», «вереск», «лес», «родниковую воду», «бессмертник», «можжевельник», «облака или дальний лес», «тропы», «обитающего на стебле сверчка», разноцветных «бабочек» и др. Изображаются то ближний, то дальний планы. Однако это, как выяснится, не совсем так. Стихотворение пуантировано: раздаётся бой часов в замке и пробуждает лирическую героиню от создания ею идиллического пейзажа. Выясняется, что locus amoenus был ландшафтом творческих грёз. Следовательно, лирическая героиня – поэтесса не покидала своей поэтической хижины. Стихотворение сочетает в себе элементы жанров идиллии и дружеского послания – константу и доминанты первой и доминанты второго. Сближению жанров служит и полиметрия: это большое стихотворение написано композиционными сегментами 8-стопного хорее, 5-стопного ямба, 4-стопного хорее и 5-стопного ямба.

Внутри элегической ситуации (разлуки влюблённых) скрыт locus amoenus в стихо-

творении «Locke und Lied» («Локон и песня»). Интересен цикл из четырёх стихотворений «Der Sântis» («Сентис»), изображающий указанную в названии гору весной, летом, осенью и зимой. Изображение горы Сентис грозит перейти в элегическое, но не переходит, перехваченное идиллическим и одическим миронастроением лирической героини. В финалах четырёх стихотворений она обращается к горе как к «серьёзному могучему старику», сожалеет, что он замёрз, просит выпустить росистый ветер. Однако нигде не происходит спада модуса художественности до элегического.

Вокруг locus amoenus сконцентрированы идиллия, молитва и баллада в произведении «Der Schloßelf» («Эльф замка»). Особыми случаями жанровой диффузии с расширением locus amoenus становятся сотрудничество идиллии и сказки. Исследователи, как было отмечено выше, обратили внимание на подобные гибриды в творчестве Э. Мёрике [3]. Для Дросте-Хюльсхофф они не характерны.

Резюмируем результаты наблюдений над лирикой А. Дросте-Хюльсхофф. Зачастую locus amoenus у немецкой поэтессы – это сентиментальный уголок в парке или облагороженном участке леса. Для Дросте-Хюльсхофф важен и домашний локус (родной дом, «поэтическая хижина», дом в пустоши). Исследуемый локус представляет собой прекрасное, полное покоя время-пространство и состоит из типичных для locus amoenus элементов, захватывая древние (любовные встречи) и сентиментальные, а также отключаясь на романтические (место творчества). Водоёмом в большинстве случаев служит пруд, отсюда и составляющие этой картины – берег, камыши, нитевидные водоросли, галька, отражение в воде, рябь на воде, лодка, рыбак и др. В locus amoenus А. Дросте-Хюльсхофф изображается облагороженная, порой рукотворная природа (парк, ухоженный пруд). Поэтесса использует ближний (тень дерева, цветы) и дальний (холмы, пастухи) планы. Спецификой субъектной структуры стихотворений с locus amoenus становится предоставление автором права голоса лирическому персонажу, его завышенные обращения, эйфорические восклицания, то есть речевой переход от лирической героини к лирическому персонажу (рыбаку, садовнику, детям и пр.). Практикуется и прямая речь природных явлений (камышей, водорослей, цветов и др.).

В случае расширения locus amoenus на весь художественный текст, перехода локуса в хронотоп мы имеем дело с жанром идиллии или идиллическим модусом художественности. Перед нами либо чистая идиллия, либо лидерство идиллии в жанро-

вой диффузии. Множа идиллические мотивы, распространяясь на весь текст, *locus amoenus* теряет свойства локуса. Его расширение обеспечивает оптимистическую концовку лирического сюжета, что усиливает жанровый статус стихотворения как идиллии. В таких стихотворениях идиллия побеждает как жанры-противники (элегию, балладу и др.), нейтрализуя их константы и доминанты, так и родственные ей по положительному наполнению жанры – стихотворную молитву, оду, гимн, дружеское послание, романтический отрывок, питаясь их доминантами. *Locus amoenus* в идиллическом жанре А. Дросте-Хюльсхофф является местом вдохновения и покоя лирической героини. Распространяясь на хронотоп стихотворения, *locus amoenus* своими границами охватывает всё произведение, делая непроницаемым изображаемый в нём покой. Судя по мотивному полю и модусу художественности высокий бидермейер, по всей очевидности, перенимает *locus amoenus* от сентиментализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М. : Просвещение, 1988. 352 с.
2. Неклюдов С. Ю. К вопросу о связи пространственно-временных отношений с сюжетной структурой в русской былинке // Тезисы докладов II Летней школы по вторичным моделирующим системам (16–26 авг. 1966 г.). Тарту : Тарт. гос. ун-т, 1966. С. 42–44.
3. Schneider H. J. Vom Zünden der Tradition. Märchen, Idylle und lyrisches Subjekt in Mörikes 'Wald-Idylle' // Eduard Mörike: Ästhetik und Geselligkeit / hrsg. von W. Braungart, R. Simon. Tübingen : Niemeyer, 2004. S. 221–238.
4. История зарубежной литературы XIX века : учебник / отв. ред. Е. М. Апенко. М. : Проспект, 2001. 413 с.
5. Geismeyer W. Biedermeier. Leipzig : E. A. Seeman Verlag, 1979. 366 S.
6. Романова Л. В. Венский бидермейер и альбом из Гавриловки // Дискуссия. Журнал научных публикаций. 2011. № 7 (15). С. 49–54. EDN: OWDIHF
7. Курциус Э. К. Европейская литература и латинское Средневековье : в 2 т. / пер., коммент. Д. С. Колчигина ; под ред. Ф. Б. Успенского. Т. 1. М. : Издательский дом ЯСК, 2021. 560 с.
8. Пахарьян Н. Т., Саськова Т. В. Историческая поэтика пасторали // Вопросы филологии. 2001. Т. 8, № 2. С. 69–82.
9. Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей: Сад как текст. М. : Согласие, 1998. 470 с.
10. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с. EDN: REJYGG
11. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. М. : Русские словари, 1996. Т. 5 : Работы 1940–1960-х гг. С. 159–206. EDN: XNAISR
12. Тюпа В. И. Генеалогия лирических жанров // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. № 4. С. 8–31. EDN: PUTVVD
13. Махов А. Е. Исторические исследования эмоций в современном западном литературоведении // Современная наука о литературе: основные тенденции и проблемы : сборник научных трудов. М. : ИНИОН РАН, 2018. С. 74–103. EDN: YPOTVJ
14. Балашова Е. А. Функционирование русской стихотворной идиллии в XX–XXI вв.: вопросы типологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2015. 46 с. EDN: ZPWOXF
15. Зыкова Е. П. Поэма о сельской усадьбе в русской идиллической традиции // Миф. Пастораль. Утопия / отв. ред. Ю. Г. Круглова. М. : Изд-во Московского государственного открытого педагогического университета, 1998. С. 58–71. EDN: QXZXOX
16. Бахтин М. М. Идиллический хронотоп в романе // Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб. : Азбука, 2000. С. 157–176.
17. Анисимова А. Н. Жанр идиллии и пасторальные мотивы в творчестве Х. Ф. Д. Шубарта : монография. Челябинск : Энциклопедия, 2011. 204 с. EDN: QXDYLR
18. Анисимова А. Н., Ефремова Ю. И. Специфика идиллического хронотопа в драме Г. Л. Вагнера «Детобийца» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, вып. 5. С. 1351–1357. <https://doi.org/10.30853/phil20230221>, EDN: ARZARR
19. Анисимова А. Н., Ефремова Ю. И. Повесть И. С. Тургенева «Ася»: на границах идиллии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 4. С. 1065–1070. <https://doi.org/10.30853/phil20240155>, EDN: JPLUTI
20. Белова Ю. Н. Пасторальный жанр в творчестве Антуана Ватто // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Сер. 15. Т. 3, вып. 3. С. 48–57. EDN: QIUDZR
21. Белова Ю. Н. От пасторали Ватто к «Идиллии» Гейнсборо // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 15. Т. 5, вып. 4. С. 13–27. EDN: VJIQZ
22. Зейферт Е. И. Неизвестные жанры «золотого века» русской поэзии. Романтический отрывок : учебное пособие. М. : Флинта ; Наука, 2014. 380 с. EDN: SSNUZF
23. Droste-Hülshoff A. Gedichte. Stuttgart, 1844. 140 S.

REFERENCES

1. Lotman Yu. M. V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol' [In the school of poetic words: Pushkin. Lermontov. Gogol]. Moscow, Prosveshchenie, 1988. 352 p. (in Russian).
2. Neklyudov S. Yu. On the issue of the connection between spatio-temporal relations and the plot structure in the Russian epic. *Tezisy dokladov II Letnej shkoly po vtorichnym modeliruyushchim sistemam (16–26 avg. 1966 g.)* [Abstracts of the II Summer School on Secondary Modeling Systems (August 16–26, 1966)]. Tartu, Tartu State University Publ., 1966, pp. 42–44 (in Russian).
3. Schneider H. J. Vom Zünden der Tradition. Märchen, Idylle und lyrisches Subjekt in Mörikes 'Wald-Idylle' In: Braungart W. von, Simon R., hrsg. *Eduard Mörike: Ästhetik und Geselligkeit*. Tübingen, Niemeyer, 2004, S. 221–238 (in German).

4. *Istoriya zarubezhnoj literatury XIX veka: uchebnik. Otv. red. E. M. Apenko* [Apenko E. M., ed. History of Foreign Literature of the 19th Century: Textbook]. Moscow, Prospekt, 2001. 413 p. (in Russian).
5. Geismeyer W. *Biedermeier*. Leipzig, E. A. Seeman Verlag, 1979. 366 S. (in German).
6. Romanova L. V. Viennese Biedermeier and an album from Gavrilovka. *Discussion. Journal of scientific publications*, 2011, no. 7 (15), pp. 49–54 (in Russian). EDN: OWDIHF
7. Kurtsius E. K. *Evropejskaya literatura i latinskoe Srednevekov'e: v 2 t. Per., komment. D. S. Kolchigina. Pod red. F. B. Uspenskogo. T. 1* [Kolchigin D. S., tr. and comment., Uspenskogo F. B., ed. European Literature and the Latin Middle Ages: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, LRC Public House, 2021. 560 p. (in Russian).
8. Pakhsar'yan N. T., Sas'kova T. V. Historical poetics of pastoral. *Questions of Philology*. 2001, vol. 8, no. 2, pp. 69–82 (in Russian).
9. Likhachev D. S. *Poeziya sadov: K semantike sadovoparkovykh stilej: Sad kak tekst* [Poetry of Gardens: Towards the Semantics of Garden and Park Styles: Garden as Text]. Moscow, Soglasie, 1998. 470 p. (in Russian).
10. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian). EDN: REJYGG
11. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. *Bakhtin M. M. Sobr. soch. T. 5. Raboty 1940–1960-kh gg.* [Bakhtin M. M. Collected works. Vol. 5. Works 1940–1960]. Moscow, Russkie slovari, 1996, pp. 159–206 (in Russian). EDN: XNAISR
12. Tyupa V. I. Genealogy of lyrical genres. *News of the Southern Federal University. Philological Sciences*, 2012, no. 4 (30), pp. 8–31 (in Russian). EDN: PUTVVD
13. Makhov A. E. Historical studies of emotions in modern Western literary criticism. In: *Sovremennaya nauka o literature: osnovnye tendentsii i problemy: sbornik nauchnykh trudov* [Modern Literary Science: Main Trends and Problems: Collection of Scientific Papers]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Science of the RAS Publ., 2018, pp. 74–103 (in Russian). EDN: YPOTVJ
14. Balashova E. A. *Functioning of Russian Poetic Idyll in the 20th–21st Centuries: Issues of Typology*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Smolensk, 2015. 46 p. (in Russian). EDN: ZPWOXF
15. Zykova E. P. A poem about a rural estate in the Russian idyllic tradition. In: *Mif. Pastoral' Utopiya. Otv. red. Yu. G. Kruglova* [Kruglova Yu. G., ed. Myth. Pastoral. Utopia]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 1998, pp. 58–71 (in Russian). EDN: XQXZOX
16. Bakhtin M. M. Idyllic chronotope in the novel. In: *Bakhtin M. M. Epos i roman* [Bakhtin M. M. Epic and Novel]. Saint Petersburg, Azbuka, 2000, pp. 157–176 (in Russian).
17. Anisimova A. N. *Zhanr idillii i pastoral'nye motivy v tvorchestve H. F. D. Shubarta: monografiya* [The genre of idyll and pastoral motifs in the works of H. F. D. Schubart: Monograph]. Chelyabinsk, Entsiklopediya, 2011. 204 p. (in Russian). EDN: QXDYLR
18. Anisimova A. N., Efremova Yu. I. The specificity of the idyllic chronotope in G. L. Wagner's drama "The Child Killer". *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 2023, vol. 16, iss. 5, pp. 1351–1357 (in Russian). <https://doi.org/10.30853/phil20230221>, EDN: ARZARR
19. Anisimova A. N., Efremova Yu. I. The story of I. S. Turgenev "Asya": On the borders of the idyll. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 2024, no. 17, iss. 4, pp. 1065–1070 (in Russian). <https://doi.org/10.30853/phil20240155>, EDN: JPLUTI
20. Belova Yu. N. Pastoral genre in the works of Antoine Watteau. *Vestnik of Saint Petersburg University*, 2013, ser. 15, vol. 3, iss. 3, pp. 48–57 (in Russian). EDN: QIUDZR
21. Belova Yu. N. From Watteau's Pastoral to Gainsborough's Idyll. *Vestnik of Saint Petersburg University*, 2015, ser. 15, vol. 5, iss. 4, pp. 13–27 (in Russian). EDN: VJIOCZ
22. Zeffert E. I. *Neizvestnye zhanry "zlotogo veka" russkoj poezii. Romanticheskij otryvok* [Unknown Genres of the "Golden Age" of Russian Poetry. Romantic Excerpt]. Moscow, Flinta, Nauka, 2014. 380 p. (in Russian). EDN: SSNUZF
23. Droste-Hülshoff A. *Gedichte*. Stuttgart, 1844. 140 S. (in German).

Поступила в редакцию 19.03.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 12.05.2025; опубликована 01.06.2026

The article was submitted 19.03.2025; approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 12.05.2025; published 01.06.2026